

ВЕРА БУРДИНА

Из книги: ОБЕТОВАННЫЕ ОСТРОВА (2013)

Летние ночи шуршат парашютно,
Стропы дождей напрягая с боков.
Редкие звезды ребят в промежутках,
Ветром надорванных облаков.

Город качнется над бездной балтийской,
Звонко трамваем последним звеня.
И облегченно, беспечно повиснет,
Преодолев гравитацию дня.

Страх не тревожит его население,
Только мосты поднялись на дыбы,
Только атланты до приземленья
В недоуменьи наморщили лбы.

Город легко и уже безнадзорно,
Вне суеты и бессмысленных дел,
Вынул себя из петли горизонта
И над собою соборно взлетел.

Это прозреньё? Волшебная дрёма?
Или всего лишь слезы бирюза?
Стали виднее Урал и Европа,
Остро блеснули вдали полюса...

Но поредет лазоревый купол.
Невским туманом остудит меня.
Легкие грёзы снисходят на убыль,
И возвращаются тяготы дня.

Ярче и ярче Собор золотится –
Купол под купол... Надёжнее чей?
Медного всадника дрогнет десница,
Капли росы блеснут из очей.

Явь и виденья немногим разнятся,
Ночь и рассвет отличимы едва.
Но солнце взойдет и приземлится
Обетованные острова.

Купола сияют на распутье
Между этой участью и той
Золотом, настоящем на ртути,
Или ртутью, ставшей золотой.

Не найти в преданьях и архивах
Кто (в усердье, отравляя грудь)
Первым был монах, изгой, алхимик,
Повенчавший золото и ртуть.

От его (Бог весть, когда) усилий –
В постиженьи тайны вещества
Купола сияют над Россией
Вифлеемским светом рождества.

Ярче свет, когда пространство мглисто,
Гуще диалектики настой.
Яд и мед являют нам единство
Этой наши участи и той.

«... всё не то, чем кажется»

Н.В. Гоголь о Петербурге

Три века он куражится,
Пора бы и обидеться.
Всегда не то, чем кажется,
Совсем не то, чем видится.

Не проследить тенденции –
И в этом наша драма.
Прикинется Венецией,
Вид примет Амстердама.

То милостью Господней
Покажется, то мороком,
Эдемом, преисподней,
Гипербореей, молохом.

Умышленный, изменчивый,
Привыкший озадачивать.
То полнится неметчиной,
То веет азиатчиной.

Державный и развенчанный,
Заносчивый, азартный.
Рекламами подсвеченный,
Сегодняшний – базарный.

Назавтра чем покажется?
Иль, совладев с недугом,
Утихнет, откуражится
И станет Петербургом!

Ударит пушка кратко, гулко,
Вспугнув ворон и облака.
Какой-то полдень Петербурга
В какие-то его века.

На лавочках грустят старушки
Припоминая не у дел
Под залп полуденный из пушки
Блокадный гибельный обстрел.

А кто-то в дымке перегара,
Трезвея, вспомнит о войне
То ли в горах у Кандагара,
То ли в отчаянной Чечне.

А вот историк многомудрый
События расставит в ряд:
Палили в Зимний из орудий,
Откуда и теперь палят.

Ему положено по чину
Во всём искать первопричину.

“Лишь эхо меня вспоминает”

О. Берггольц

Почти забыли о Берггольц –
Её стихов надёжный голос.
Одно лишь эхо сбереглось,
Когда эпоха раскололась.

В регистре жизнь звучит ином,
В тонах лукавых и игривых.
В музее дремлет метроном,
А честь и доблесть по архивам.

В соблазнах века кто не слеп?
Представить трудно от растраты
Необходимые, как хлеб,
Стихи над бездною блокады.

Великий город обмирал
От стужи, голода, обстрелов.
Лучился голос из мембран
Всех чёрных сталинских “тарелок”.

Пустым сомненьем не мерцал,
Умея мужеством светиться –
Почти остывшие сердца
Вновь заставляя в рёбра биться.

Гремели пушки – не молчал,
Не дрогнул голос. Как и прежде
Горела в городе свеча
Сверх поэтической надежды.

Теперь живем – кто вкривь, кто вкось
По правилам иного века,
Но пусть хоть призрачное эхо
Напоминает о Берггольц.

Из подо льда воды не пробуй –
Студёной обожжёшь гортань...
Январь. Нева. Чернеет прорубь –
Зимы блокадной Иордань!

Смертельная позёмка стлалась,
А по застругам среди льда
Людская скорбно череда
Тянулась к проруби... Осталась
На жизнь лишь Невская вода.

Не замечая гром орудий,
Обратный не предвидя путь,
На наледь привалиться грудью,
Набраться сил и зачерпнуть.

Не слышно стонов и рыданий,
Лишь тяжесть общего ковша.
Поднять его, едва дыша,
С водой святой из Иордани...

Прими крещение, душа,
Во дни смертельного крещенья
С великой жаждою отмщенья!

От санок лялочку на плечи,
Шажок, ещё один шажок.
А встречный ветер, как ожог.
Даст Бог – дойдёшь, а не расплещешь,
А не дойдёшь – ничком в снежок.

Минуя времени застругу,
Донес ли через глад и хлад
Святую воду к Петербургу
Блокадный, скорбный Ленинград?

Смерть не становится понятней,
Жизнь не становится мудрей.
Январь. Блокада. Водосвятыё
Откуда в памяти моей?

Три города:
Санкт-Петербург,
Немного простоватый Питер
И тот, другой, как пестрый свитер
Вокруг классических фигур

(О, эти Купчино, Парнас,
О, эти спальные массивы!
Они по-своему красивы
В змеиных кольцах автотрасс!).

Три имени:
В заменах букв
Сквозит какая-то досада –
Теснили дважды разных «града»,
Чужезычный этот «бург»

(Для лингвистических утех
Сведите эти параллели:
Семь пятниц на одной неделе
И три названия за век).

Три времени:
И что ни век –
Зияет новая прореха
Чухонского проклятья эхо.
За первородный тяжкий грех?

«Петрову граду пугу быть»,
Но город в мегараспродажах
Об этом и не вспомнит даже,
Он сам себя успел забыть.

Пройдем три города насквозь –
Без суеты и без витейства
В попытках обнаружить ось
Единую для триединства.

Земля кружится на оси,
А Петербург вокруг колонны,
Огнём и славой прокалённой.

Господь, помилуй и спаси:

От сокрушенья бытия,
Я здесь надеждою дышала:
Быть может "на круги своя"
Вернётся всё-таки держава.

Увы, бесцельная толпа
Сегодняшних времён лукавых
Кружит беспечно у Столпа,
Крадёт с оград орлов двуглавых.

А то затеет рок-концерт,
Тогда от тёмного соблазна
Кипит в омовском кольце
Непредсказуемая плазма.

И, может быть, с Европой в лад
Стремясь к свободе и прогрессу,
Устроят здесь и гей-парад
Или другой "по интересу".

Катастрофичен сдвиг оси
И для планет и для сознания.
Не переменами грозит,
А сокрушеньем мироздания.

Лелея робкие надежды
не затеряться за изнанкой,
я между Мойкой и Фонтанкой
вдруг окажусь, где неизбежны

соблазны торжища и пира,
любви невинной и порока,
среди имперского ампира,
среди державного барокко.

И я в толпе беспечно-бойкой
судьбу рассыплю, словно бусы,
ведь меж Фонтанкою и Мойкой
не нужно никакой обузы.

Тут жизнь блистает самозванкой,
и я, мне кажется, блистаю,
когда меж Мойкой и Фонтанкой
свой томик тоненький листаю.

Займусь шитьем небес и кройкой
неошутимого эфира.
Ведь меж Фонтанкою и Мойкой
заключены все тайны мира.

И все же, сколько здесь мороки!
И сколько налепили грима
на обветшавшие чертоги
четвертого, быть может, Рима!

Во дни печалей и торжеств,
тая обиду и досаду,
по Летнему гуляю саду
среди языческих божеств.

Как много лет, как много зим
они стоят полунагими...
Особенно грустны богини,
их вид едва переносим.

Затеи странные Петра,
его мужицкие манеры...
О, эта линия бедра
озябшей на ветру Венеры!

Их, как похищенных невест,
везли и ставили в аллеи
на сквозняки гипербореи
богинь – полуденных небес!
(И кто-то в ассамблейной пьяни
под тунику, конечно, лез
к невинно-мраморной Диане.)

А им, недвижимым, – только жест,
навек воплощенный в мрамор.
И в этом суть, и в этом драма,
и сокрушение божеств!

Во всем, от пяток до лица
и до иллюзии паренья,
во всем – насилие творца,
во всем – бессилие творенья.

И я уверена: едва ли
найдется время у творца
вообразить все муки твари
и всю безжалостность резца.

О, эти странные затеи...
(Досадно, что Пигмалион,
мечь испытывавший Галатею, –
один такой на миллион!)

Достаточно ли вдохновенья
(и здесь, и далее – курсив),
чтобы у твари не спросив,
а жаждет ли она творенья,
лишить ее (кто судия?)
блаженного небытия?

Вот отчего мне так близка
вне показного совершенства
несотворенная тоска –
богинь – единственного жеста!

Отгородившись от реки
Великолепную решеткой
Стоят в аллеях двойники
Богов, от сада отрешенных,

Отставленных с постов в заштат.
Ну, что ж, пора... Одно лишь дурно –
Лишился подлинности Сад
Своих диан, венер, сатурнов.

Нам, жертвам смены, схем и тем,
Привыкшим к всяческому эрзацам,
От грустных мыслей, между тем,
Никак, увы, не отвязаться.

Конечно: снег, дожди, ветра
Не ладят с подлинной фактурой...
Не заменить ли и Петра
Погодостойкою фигурой?

Подменами и так пестрят
Проспекты, улицы, фасады,
А тут еще и Летний сад
Добавил грусти и досады.